

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.Ф. Сутырин

СООТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ¹

Как известно, проблема реализуемых в самых разных формах взаимоотношений между различными цивилизациями, существующими сегодня на нашей планете, приобретает все большую актуальность. При этом в ходе многочисленных дискуссий, в которых принимают участие представители практически всех направлений современного обществоведения, нередко приходится слышать о необходимости преодоления жестко понимаемого экономического детерминизма, о недопустимости сведения межцивилизационного взаимодействия к сугубо коммерческим сюжетам. Основания для такой постановки вопроса, видимо, существуют. Вместе с тем не хотелось бы, чтобы маятник слишком далеко качнулся в противоположную сторону и мы напрочь упустили бы из виду ни в коей мере не утратившие свою актуальность слова: «Сначала хлеб, а нравственность — потом».

Оценка экономики как безусловного базиса, на котором *в конечном счете* основывается вся совокупность общественных отношений, выглядит вполне закономерной и естественной. Если отталкиваться от этого, то можно сказать, что перспективы осуществления любых форм международного взаимодействия, возможности направить его в русло диалога, а не жесткого противостояния стратегически определяются материальными предпосылками. При этом особое значение имеет развитие экономических, например внешнеторговых, связей между партнерами.

Влияние взаимной торговли на развитие диалога в широком смысле этого слова может проявляться по нескольким направлениям. Во-первых, она, как отмечал еще Дж.С. Милль,² служит «главным источником» контактов, в которые представители некоей страны вступают «с другими людьми, непохожими на них, с образом мыслей и

Сергей Феликсович СУТЫРИН — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики СПбГУ. Окончив экономический факультет, с 1974 г. преподает в Университете. В 1978 г. защитил кандидатскую, в 1989 — докторскую диссертации. Стажировался в Лондонской школе экономики (1980–1981) и Банке Финляндии (1995–1996). Читал лекции в университетах Германии, Финляндии, Швеции, Японии. Область научных интересов — международные экономические отношения, история экономической мысли. Автор более 160 научных работ, в том числе 4 монографий. 25 работ опубликованы в США, Германии, Норвегии, Финляндии, Исландии, Японии.

действий, отличным от того, к которому они привыкли».³ Без преувеличения можно сказать, что внешнеторговые связи формируют материальную основу диалога. И в современных условиях это проявляется намного более явно, чем когда-либо раньше.

Во-вторых, в целом ряде случаев развитие международной торговли находится в обратной пропорциональной зависимости от военного противостояния, которое фактически представляет собой полное отрицание диалога. Выражаясь словами того же Дж.С. Милля, «внешняя торговля превращает войну в архаизм, усиливая и укрепляя личные интересы, по природе своей противоположные войне. И без преувеличения можно сказать, что именно быстрое расширение международной торговли и ее большие масштабы, будучи главной гарантией всеобщего мира, создают прочную основу для непрерывного прогресса идей, институтов и человеческой расы в целом».⁴ Конечно, с позиций сегодняшнего дня прогноз английского экономиста выглядит избыточно оптимистичным. И тем не менее можно и должно согласиться с тем, что успешное осуществление взаимовыгодной торговли минимизирует вероятность противоположных диалогу форм взаимодействия.

Конечно, международная торговля, как и любая другая форма мирохозяйственных связей, представляет собой не только способствующую обогащению всех участников этого процесса деятельность. Одновременно она содержит в себе и элементы жесткой (а порою и жестокой) конкуренции. С этой точки зрения третья направленность, по которому торговля может влиять на перспективы конструктивного взаимодействия, противоположно двум отмеченным выше. Вот что писал по этому поводу один из наиболее известных экономистов XX в. Дж.М. Кейнс:⁵ «Войны имеют разные причины... Но самое большое значение имеют... экономические причины войны, а именно — чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки. Именно второй фактор... вероятно, играл основную роль в XIX в. И может сыграть ее опять».⁶

В этих условиях возникает опасность формирования своеобразного порочного круга, в рамках которого экономические противоречия порождают политические, культурные, национальные. А они, в свою очередь, еще больше сужают возможности для взаимовыгодного хозяйственного взаимодействия. Совокупное обострение всех названных выше противоречий способно в конечном счете привести к возникновению военного конфликта. Нужно подчеркнуть, что вероятность подобного варианта развития событий тем выше, чем в большей мере выгоды от развития внешнеторговых связей концентрируются на стороне ограниченного количества стран.

Различные международные институты призваны, как известно, способствовать активизации и поддержке взаимовыгодного сотрудничества. В контексте настоящей статьи важно разграничить их функционирование на двух уровнях мирохозяйственной иерархии — глобальном и региональном. В первом случае речь идет о деятельности таких организаций, как Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО) и целый ряд других. Именно они, исходя из их глобального мандата, ориентированы на поддержку межцивилизационного экономического взаимодействия.

Во втором случае представляют наибольший интерес различные торгово-экономические союзы (ТЭС), в рамках которых осуществляется региональная, в значительной мере и прежде всего внутрицивилизационная экономическая интеграция. Этот процесс развивается весьма динамично. В частности, за минувшие 10 лет формирование ТЭС шло ускоренными темпами по всему миру. Из 300 группировок, прошедших по состоянию на октябрь 2004 г. нотификацию в ГАТТ/ВТО за все время существова-

ния этой организации, 176 сделали это после января 1995 г. 150 соглашений на сегодняшний день сохраняют свою силу.⁷ По имеющимся оценкам, насчитывается еще примерно 70 действующих ТЭС, не прошедших нотификацию в ВТО. С учетом ведущихся сейчас переговоров о создании новых группировок (преимущественно в форме зон свободной торговли) к концу 2007 г. их общее число может приблизиться к 300.⁸

Таким образом, складывается ситуация, когда подавляющее большинство существующих государств оказываются одновременно вовлеченными в деятельность как глобальных, так и региональных институтов. Действительно, из всех стран-членов ВТО, по существу, только единственная — Монголия не задействована в процессе функционирования (или хотя бы формирования) ТЭС. В этих условиях закономерно задаться вопросом о взаимном соотношении регионализации и глобализации. Иными словами, следует ли воспринимать эти процессы как комплементарные или же как альтернативные?

С одной стороны, есть определенная доля истины в утверждении о том, что торгово-экономические союзы демонстрируют пример того уровня сотрудничества, который возможен сегодня в международном масштабе. В этом плане они как бы «задают планку», служат маяками на пути либерализации внешнеэкономических связей в рамках всего мирового сообщества, «могут подстегивать менее решительное развитие многосторонней системы».⁹ Кроме того, задержки и неудачи в деле глобальной либерализации могут создавать дополнительные препятствия и на пути формирования ТЭС. Здесь уместно упомянуть трудности и противоречия в ходе подготовки договора о создании Панамериканской зоны свободной торговли (ПАЗСТ). Тот факт, что после более чем 10 лет переговоров желаемый результат не только не достигнут, но и само их дальнейшее продолжение находится под вопросом,¹⁰ некоторые наблюдатели напрямую связывают с задержкой в реализации повестки дня Доха раунда (!).¹¹ Стоит в данном контексте отметить и то, что усиление конкурентных позиций представителей других частей света может выступать в качестве мощного побудительного стимула для активной координации усилий представителей данного региона. Так, для Европы вызов, бросаемый бурно развивающимися экономиками Китая и Индии, является важным фактором интенсификации панъевропейского диалога. Наконец, существуют основания говорить о своеобразном разделении труда между глобальными и региональными институтами, призванными, по крайней мере в идеале, действовать во имя достижения одних и тех же целей. Все это достаточно наглядно свидетельствует об определенной комплементарности в развитии рассматриваемых процессов.

С другой стороны, нельзя не видеть, что формирование ТЭС и глобализация могут вступать друг с другом в серьезное противоречие. Региональная интеграция способствует интенсификации экономических связей внутри группировок, которые могут при этом становиться все более самодостаточными и, как следствие, ограничивать свои связи с другими странами. Так, например, для Мексики и Канады в современных условиях почти 90% (!) их внешнеторгового оборота приходится на партнеров по торгово-экономическим союзам, в которых они участвуют.

Еще одним очевидным примером отмеченной выше противоречивости является ситуация, складывающаяся по поводу регулирования международной торговли в рамках ВТО. В основе ее деятельности, как известно, лежит принцип недискриминационности, закрепленный в так называемом режиме наибольшего благоприятствования (РНБ), который обязаны предоставлять друг другу члены ВТО.¹² Однако создание

даже простейшей региональной интеграционной группировки в виде зоны свободной торговли предполагает предоставление друг другу входящими в нее государствами особого, преференциального режима, т.е. фактически отрицает РНБ. Уже на протяжении как минимум полутора десятков лет выходят из печати многочисленные публикации, авторы которых приводят достаточно убедительные аргументы в пользу того, что регионализация сдерживает либерализацию в глобальном масштабе, препятствует снижению среднемирового уровня протекционизма. Подобного рода мнения высказывали, в частности, признанные авторитеты мировой экономической науки, такие как Пол Кругман¹³ и Джагдиш Бхавати.¹⁴ По мнению последнего, по мере распространения региональных преференциальных соглашений мировая торговая система все больше будет напоминать «клубок спагетти». Его образуют импортные тарифы, становящиеся все более сложными и фактически непрозрачными за счет включения в них все новых и новых ставок.

Если к тому же принять во внимание практику предоставления таможенных преференций наименее развитым и развивающимся странам, то есть все основания согласиться с авторами доклада, подготовленного по инициативе Генерального Директора ВТО Супачаи Панитчпаки к 10-летию организации. Они считают, что современная практика ведения международной торговли достигла такого состояния, когда РНБ является скорее исключением, чем правилом.¹⁵ «Безусловно, — отмечается в докладе, — этот термин сейчас лучше определять как режим наименьшего благоприятствования».¹⁶

Вместе с тем, как представляется, указанное выше не следует воспринимать в духе фатального нарастания противоречия между глобализацией и регионализацией, подрывающей экономические основы межцивилизационного взаимодействия. Проблема может решаться (и частично действительно решается) по целому ряду направлений.

Прежде всего, выделим то, что с известной долей условности может быть названо «институциональным развитием». Речь идет, во-первых, о совершенствовании соответствующих правил и процедур ВТО. Здесь, правда, рассчитывать на серьезный прорыв пока что не приходится. Уже в одном из первых аналитических материалов, подготовленных Секретариатом ВТО в апреле 1995 г. (т.е. всего через несколько месяцев после официального рождения организации), со всей определенностью говорилось об угрозе, которую может представлять регионализация в отношении глобализации.¹⁷ За прошедшие годы ситуация не только не изменилась к лучшему, но даже ухудшилась. Например, в ходе организованного Секретариатом ВТО 14 ноября 2003 г. семинара подчеркивалось, что действующие нормы и правила этой организации плохо подходят для взаимодействия с реально существующими региональными торговыми соглашениями, а соответствующий профильный комитет ВТО не смог добиться заметных успехов.¹⁸ Аналогичным образом оценивается ситуация и в ежегодном отчете ВТО за 2004 г. Там в частности говорится, что с момента «создания ВТО страны-члены не смогли достичь консенсуса как по формату, так и по содержанию отчетов ни по одной из проводимых Комитетом по региональным торговым соглашениям проверок».¹⁹ Во-вторых, следует отметить, что заключаемые в последнее время соглашения о создании ТЭС зачастую выходят за рамки тех вопросов, которые непосредственно регулируются ВТО. Имеются в виду положения, регламентирующие трансграничное движение капитала, экологические стандарты, миграцию рабочей силы и трудовое законодательство.

Наряду с «институциональным» отметим и «функциональное развитие». Начнем с расширения существующих ТЭС. Наиболее очевидным примером в данном случае

может быть ЕС, все-таки решивший после напряженных и продолжительных дебатов начать переговоры о вступлении Турции. Как представляется, потенциальное присоединение к европейской группировке страны, у которой 97% территории расположено в Азии, а 99% населения исповедует ислам, безусловно, будет свидетельствовать об активизации межцивилизационного взаимодействия. Аналогичные выводы можно сделать и в части АТЭС, хотя в этом случае нельзя пока говорить о реально функционирующем ТЭС.

Еще одним интересующим нас направлением «функционального развития» является заключение межрегиональных соглашений. В последнее время все большее количество ТЭС создается странами, представляющими различные регионы мира. Наглядным примером здесь является соглашение о свободной торговле между ЕС и Чили. Сюда же можно отнести и некоторую часть связей в АТР. Так, наряду с деятельностью в рамках АТЭС, Мексика ведет двусторонние переговоры не только со своими латиноамериканскими соседями (Эквадором, Перу, Панамой, Тринидадом и Тобаго, МЕРКОСУР), но и с Японией, Сингапуром и Республикой Корея. Аналогичным образом Чили стремится к созданию зоны свободной торговли с Сингапуром и ЕАСТ. Это свидетельствует о постепенном отходе под влиянием глобализации от традиционного регионального характера интеграции и принятии на вооружение политики в области ТЭС, направленной на формирование стратегических торговых отношений на преференциальной основе с важнейшими рынками вне зависимости от их географического местоположения.

Наконец, в рамках «функционального развития» находится и рост взаимодействия между ТЭС. Во-первых, речь идет о попытках заключения соглашений между ними. Здесь следует, прежде всего, назвать переговоры о создании зон свободной торговли между ЕС и МЕРКОСУР,²⁰ а также между ЕАСТ и МЕРКОСУР. Таким образом, появляется возможность говорить о перспективе (хотя и достаточно отдаленной) формирования отношений по линии взаимодействия между собой не столько отдельных государств, сколько интеграционных группировок как таковых.

Во-вторых, отметим феномен взаимопересекающихся ТЭС. Достаточно большое количество стран одновременно участвует в нескольких интеграционных группировках разного географического формата. Так, Мексика является членом 13 ТЭС, Сингапур — 6, ЕС уже заключил либо ведет в настоящее время переговоры о заключении более 30 преференциальных торговых соглашений.

В-третьих, следует иметь в виду и периодически проявляющую себя тенденцию к внешней экспансии со стороны ТЭС. Многочисленные исследования, проводившиеся специалистами в области региональной экономической интеграции, свидетельствуют, в частности, о том, что формирование группировок в целом ряде случаев не сопровождается возникновением «потокоотклоняющего эффекта».²¹ Это может рассматриваться как свидетельство недостаточности интеграционного потенциала и, соответственно, преждевременности заключения соглашения о ТЭС. Вместе с тем внутренняя логика развития интеграционного процесса может быть связана со стремлением создать условия, способствующие продвижению выпускаемой продукции за пределы группировки, повышению ее международной конкурентоспособности. Например, на заинтересованность Финляндии в усилении своих конкурентных позиций на рынках Восточной Азии как на один из основополагающих мотивов ее присоединения к ЕС в 1995 г. обратил внимание автора настоящей статьи Антти Суванто, бывший в первой половине 1990-х одним из высокопоставленных членов делегации Финляндии на перегово-

рах о вступлении этой страны в Европейский Союз. Во многом аналогичным образом Чили, подписав соглашение о свободной торговле с Китаем, надеется стать своеобразным мостом между Латинской Америкой и динамично развивающимися странами Восточной Азии.

Какие же выводы можно сделать на основе всего вышеизложенного? Как таковые, возможности «состыковки» глобального и регионального, безусловно, существуют. Однако они не могут реализоваться автоматически, необходимы серьезные, хорошо продуманные усилия. Среди прочего следует особо отметить значение развития внеэкономических форм межцивилизационного взаимодействия. Ведь приоритет экономики, о котором говорилось в самом начале настоящей статьи, носит долгосрочный, стратегический характер. А это, в свою очередь, не только не отрицает, но, напротив, предполагает обратную связь. Речь идет о влиянии, оказываемым общим состоянием и ходом политического, культурного, научного диалога цивилизаций на перспективы их хозяйственного взаимодействия. Таким образом, в случае благоприятного развития событий создается возможность для превращения упоминавшегося выше порочного круга в его прямую противоположность, в то, что на английском языке именуется *virtuous circle*, т.е. «круг добродетели».

¹ Статья написана на основе доклада, сделанного автором в рамках проходившего в октябре 2005 г. на греческом острове Родос III Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций».

² Позиция Дж.С. Милля представляет в данном случае особый интерес, поскольку этот выдающийся английский экономист, как известно, являлся одним из основоположников реформизма. Между тем реформизм по своей сути наиболее близок самой философии диалога.

³ Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Т. 2 / Пер. с англ. М., 1980. С. 344.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Любопытно отметить, что кейнсианство, так же как и доктрина Дж.С. Милля, в основе своей является реформистской теорией.

⁶ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. М., 1978. С. 456.

⁷ Наряду с появлением новых ТЭС определенное количество ранее действовавших соглашений по разным причинам утрачивает свою силу. Так, например, после последнего расширения ЕС в мае 2004 г. перестали существовать около 65 ТЭС, созданных ранее вновь присоединившимися странами, как между собой, так и с участниками ЕС-15.

⁸ www.wto.org

⁹ Там же.

¹⁰ На проходившем осенью 2005 г. панамериканском саммите страны-участницы так и не смогли принять решение о том, продолжать переговоры о создании ПАЗСТ или нет. США и другим сторонникам объединения не удалось в этом вопросе преодолеть сопротивление ряда государств Латинской Америки, прежде всего Бразилии и Аргентины.

¹¹ См.: Reid M. The Americas trade carve-up // The World in 2004. The Economist. P. 68. — Интересно, что автор статьи пишет далее о том, что США в этих условиях видят альтернативу в создании зон свободной торговли «малого формата» — с 5 странами Центральной Америки, Колумбией, возможно, Перу и КАРИКОМ.

¹² Исторически выбор в пользу безусловного предоставления РНБ в значительной мере объясняется реакцией многих стран на негативный опыт конца 1920–1930-х годов с его беспрецедентным ростом протекционизма и широкого распространения двусторонних торговых соглашений.

¹³ См.: Krugman P.R. Is Bilateralism Bad? // International Trade and Trade Policy / Ed. by E. Helpman, A. Razin. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, 1991.

¹⁴ См.: Bhagwati J. Fast Track to Nowhere // The Economist. 1997. 18 Oct.

¹⁵ Показательно, что, например, в импортном тарифе ЕС таможенные ставки РНБ в полном объеме применяются всего лишь к 9 (!) внешнеторговым партнерам группировки — Австралии, Канаде, Тайваню, Гонконгу, Японии, Республике Корея, Новой Зеландии, Сингапуру и США. Хотя это и ведущие участники международной торговли, но сам факт более чем примечателен.

¹⁶ www.wto.org

¹⁷ См.: Regionalism and the World Trading System. WTO. Geneva, 1995. April.

¹⁸ См.: *Boonekamp C.* The Changing Landscape of RTAs. Prepared for the Seminar on Regional Trade Agreements and the WTO. WTO Secretariat. Geneva, 2003. 14 Nov. (www.wto.org).

¹⁹ WTO. Annual Report 2004. P. 69.

²⁰ Основа для ведения этих переговоров была заложена подписанием МЕРКОСУР и ЕС в декабре 1995 г. рамочного межрегионального соглашения о сотрудничестве.

²¹ Под «потокоотклоняющим эффектом» понимается возникающее в результате формирования ТЭС переключение части внешнеторговых связей государств-участников с «третьих стран» (государств-аутсайдеров) на партнеров по группировке.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2005 г.